

Борис ШАЛАГИНОВ

ОБРАЗ ДЕТСТВА В «ПОЭЗИИ И ПРАВДЕ» И. В. ГЁТЕ

Источник: © Б. Б. Шалагинов. Образ дитинства в автобіографічному творі Й. В. Гете «Поезія і правда» // Іноземна філологія.– 2007.– Вип. 119.– Львів.– С. 87–91.

Автобиографический шедевр Гёте со времени его опубликования был рассмотрен многократно с разных точек зрения. В нём находят не только ценные сведения о жизни самого поэта или информацию о ряде важных событий истории, политики и культуры того времени. Этот труд служил и служит также основой для изучения одной из важнейших идей всего Нового времени, идеи, которая на исходе века Модерн стала нуждаться в настоящей защите, – идеи *историзма*. Именно так использует гётевскую книгу Фридрих Мейнеке для своего фундаментального исследования «Происхождение историзма» (1936). Настоящая статья является диалогом с этим мыслителем, и отдельные её положения возникли как перекрёстная рефлексия добросовестного читателя двух трудов: одного поэтического, другого – историко-софского. Вторым стимулом явилась работа Х.-Г. Гадамера «Истина и метод», без методологической опоры на которую не могли бы возникнуть многие страницы предыдущих работ автора данной статьи о Гёте, в частности его исследования о «Фаусте» [1].

Восемнадцатый век обогатил европейскую литературу биографией детства. Сентиментализм разработал художественный образ ребёнка. Основоположниками новой парадигмы признаны Лоренс Стерн с его «Жизнью и мнениями Тристрама Шенди» (1759-1767) и шедший по его стопам Жан-Жак Руссо с «Исповедью». В них прозвучала новаторская мысль, что переживания ребёнка могут быть не только интересны с психологической точки зрения, но и поучительны в том, как они бросают свет на жизнь взрослого человека и весь взрослый мир. Образ детства у Стерна предстаёт ещё как эстетическая игра, а в качестве играющего – уже взрослый автобиограф; смыслом игры является мозаичная по форме репрезентация сквозь призму раннего детства собственной взрослой жизни, включая активную рефлексии о ней. Несмотря на игровую атмосферу, Стерн поставил вполне серьёзную задачу: раскрыть все те обстоятельства раннего детства, которые повлияли на формирование взрослой жизни героя. Это было второе, эпохальное, после «Исповеди» Августина, открытие историзма собственной жизни, парадигмы *онтогенеза*.

Однако открытие историзма детства произошло в английском сентиментализме, строго говоря, несколько раньше — а именно в романе Генри Филдинга «История Тома Джонса, найдёныша» (1747), где детство главных героев (Том Джонс, Блайфил, Софи Вестерн) плавно перетекает в пору их взрослой жизни, а причинно-следственные связи между детством и взрослостью акцентируются системно, онтологически наглядно и рефлексивно выпукло. Ж.-Ж. Руссо работал над своей «Исповедью», располагая уже опытом онтологического историзма Филдинга и психологической рефлексии Стерна. Это проявилось у Руссо в том, что он чётко обозначил эстетическую и этическую диспозицию не просто своего детства, но и любого детства, детства вообще как *путь от природы к цивилизации*. Взросление предстаёт как путь вынужденного или намеренного трансформирования всего того в человеке, что первоначально было связано с природой, с его «естественным состоянием», и приобщения к цивилизованным нормам поведения. Вопрос, который беспокоил Руссо, заключался в том, насколько природа имеет право претендовать на свою «нишу» в цивилизованном онтогенезе человека, и насколько именно ей, то есть естественным задаткам, обязана личность своей цивилизованностью.

Тема детства в литературе отражала в себе все парадигмальные понятия эпохи Просвещения: первообраз, развитие от простого к сложному, элемент и система, целостность, «полярность» и «возрастание» («потенцирование»), историзм, гуманность и терпимость, природа и цивилизация. Своё закономерное место в этом ряду занимает «Поэзия и правда» И. В. Гёте.

Автобиография Гёте имеет свою длинную историю, в том числе и эстетическую. В эпоху штюрмерства поэт проявил склонность к раскрытию индивидуальной истории личности через прослеживание малейших онтологических сдвигов в биографии. Это была история юного Вертера. Такое пристрастие к хронологической микротектонике ввело в заблуждение Карла Августа, когда он поручил Гёте написать биографию герцога Веймарского Бернгарда, героя Тридцатилетней войны [2]. Стратегия микрохронологии, вполне оправдавшая себя в романе о Вертере, на сей раз дала сбой. Гёте никак не мог найти точку перспективы, которая должна была выйти за пределы не только личности автора, но и самой Веймарской истории и находиться где-то в высших пределах всей европейской истории XVII века. Это были сложности методологического характера. Как известно, индивидуальное развитие поэта проявлялось в настойчивых поисках всеобъемлющего начала, некоего базового

принципа, который включал бы в себя отдельное, единичное, — более того, когда единичное раскрывало бы в себе общее, а отдельное вмещало бы в потенции целое. Без этого принципа биография должна была рассыпаться на отдельные факты, пусть интересные сами по себе, но не обязательные с точки зрения общей картины.

Перелом произошёл в конце 1780-х годов, во время путешествия в Италию. Там, при созерцании памятников античной старины, была выработана новая методология. Был открыт некий «упорядочивающий принцип без уменьшения богатства (жизни – Б. Ш.) или насилия над ним» [3]. В частности, изучая растения, поэт пришёл к открытию некоего «первообраза», прототипа (Urphänomen), который, строго во взаимодействии с окружающим миром, претерпевает метаморфозу, развиваясь в множестве разнообразных и своеобразных форм. Этот принцип и был перенесён на историю понимания личности, её онтогенеза. В неопубликованном предисловии к «Поэзии правде» поэт отмечал, что стремился описание своего детства «построить по тем же законам, которым нас учит метаморфоза растений» [4]. Как следует из «Итальянского путешествия», которое поэт рассматривал как продолжение своей автобиографии, именно открытия высшего принципа природы дало ему возможность в собственной истории жизни «в кажущейся путанице <...> сопоставить и упорядочить сотни наблюдений», чего не удалось Руссо, который «мог потерять равновесие» [5]. Так были совмещены объективность исходного естественного состояния, разнообразие каждого проявления жизни и «общий» принцип метаморфозы. Между всеми тремя элементами было найдено «равновесие».

В общем виде найденный принцип был апробирован в биографическом очерке «Винкельман и его время» (1805), где Гёте связал жизнь учёного с духом эпохи как целым. В биографическом этюде о Филиппо Нери (1810) поэт уже не ограничивался передачей духа времени (Контрреформации), но стремился передать всё индивидуально-неповторимое, то есть необычайное, экстраординарное, странное в жизни своего героя-монаха. Он дублирует своё методологическое наблюдение в крохотной заметке о Лоренсе Стерне (1827), где отмечает как главную черту характеров у этого автора «своеобычность» (Eigenheiten), которая «в конечном счёте образует индивидуальность», причём «общее предстаёт как единичное» («Sie sind das, was das Individuum constituiert; das Allgemeine wird dadurch specificiert»). Чтобы ближе уяснить себе, как проявляется этот принцип в литературе, он переводит и комментирует жизнеописание Бенвенутто Челлини (1795-1798), издаёт с собственными

комментариями и в собственной обработке под названием «Немецкий Жиль Блаз» (1822) историю служащего Веймарской библиотеки Иоганна Кристофа Закса. Здесь дух эпохи увязывался с индивидуальной неповторимостью и даже странностью характеров, которые претерпевают метаморфозу.

Важно поставить вопрос о типологии жанра автобиографии у Гёте. В «Поэзии и правде» мы читаем: «В те времена ещё не существовало библиотеки для детей. Ведь и взрослым тогда был присущ детский склад мыслей, и они почитали за благо просто передавать потомству накопленные знания» (31-32) [6]. Гёте унаследовал собственные слова как максимум и так и не написал ничего специально для детей. Образы детей встречаются крайне редко в его произведениях. Решительно не можем мы говорить и о «детском складе мыслей», присущем Гёте, как и принять безоговорочно слова Ф. Шиллера о «наивности» в его творчестве. Об этом свидетельствует в первую очередь сама его автобиография. Наблюдательная позиция автора находится вне досягаемости самого детства, она – сугубо в его теперешнем положении. Но это не ирония всезнающего повествователя Г. Филдинга, не комическая игра благодушного созерцателя людских слабостей Л. Стерна, не находим мы исповедального тона и сентиментальных ноток интимности, присущих Ж.-Ж. Руссо. Напомним эпизод, когда мать находит на чердаке родового дома колыбель, в которой когда-то укачивала Гёте, и как поэт язвительным замечанием разрушил дорогие для женщины воспоминания (15 кн.)! Нет тут психологической стилизации под «детские переживания». Строчки о «необозримых рядах смородины» (35) являются одним из немногих примеров детского «масштаба» восприятия. Нет растроганности и самолюбования, либо самоиронизирования, присущих биографии детства XIX века (Л. Толстой). Перед нами сугубо *рационалистическое* повествование, в котором автор знает намного больше своего юного героя, и не столько воспроизводит картину собственного детства как некое чудо и тайну, неповторимую атмосферу с неповторимым ароматом, сколько ведёт ребёнка за своей собственной мыслью умудрённого жизненным опытом человека. Он не стремится раскрывать ценности детского мира, а «подвёрстывает» детство под взрослый ценностный мир.

Гёте предлагает нам не аутентичную копию собственного детства. Следуя своему принципу «потенцирования», он воспроизводит его на более высоком уровне знания и рефлексии, чем это было доступно пониманию самого ребёнка. Он акцентирует в собственном детстве те черты, которые существовали ещё в потенци,

актуализирует их. Образ собственного детства у него – это прошлое, обогащённое опытом зрелости.

Но картина онтогенеза у Гёте ещё сложнее. Поэт ни на минуту не забывает, что тот несмышлёныш – он сам. Его взгляд направлен не столько в прошлое, которое за все прошедшие годы успело сделаться для него как бы чужим, а в глубины собственного Я, где и далекое прошлое предстаёт перед ним как его постоянное наличествующее настоящее. Это то, что А. Ф. Лосев назвал «самотождественным различием» [7]. Обращает на себя внимание то, что в автобиографии он практически не пользуется датами и редко указывает свой возраст на то время. Единственный ориентир в лабиринте жизненных обстоятельств – это их последовательность. Ф. Майнеке пишет о «вневременном начале, к которому был устремлён его взгляд» [8]. Не так ли писали и античные историки? Прошлое и настоящее поэт рассматривал как единство. Всё характерное в явлении для его взгляда было подчинено закономерному. В 15-ой книге «Поэзии и правды» он рассказывает о своём освобождении от чувства обособленного прошлого, «кошмара» прошлого как чужого, вторгшегося в настоящее и как бы застрявшего в нём. Это новое ощущение прошлого как неотъемлемой части собственной вневременной, точнее – надвременной онтогенезы юноша Гёте испытал в Кёльне во время посещения давно покинутого патрицианского дома Ямбаха.

Таким образом, у Гёте чётко кристаллизуется тип просветительской, по сути *модерной* биографии детства, в отличие от ренессансной и барочной. Важным представляется тут культурологический постулат И. Канта, свидетельствующий, что человек одной стороной своего естества принадлежит природе, а другой – культуре. В эпоху Возрождения и ранего барокко раскрывается противоборство «естественного» начала в подростке-пиккаро с социальным окружением. И хотя в итоге «социум» переламинает ребёнка и делает его своей частью, всё же социальные мотивы поведения раскрываются в пикарескном романе как своего рода «инстинкт природы». Ребёнок постепенно переориентируется на новые – социальные – правила игры, но эти правила входят в его плоть как новый для него *естественный* закон. Взрослеющий подросток сохраняет тут свои естественные свойства, которые продолжают ему служить в новых, социальных условиях.

У Гёте же история детства предстаёт как сложная картина уравнивания двух названных начал, однако, при явном преобладании культуры. Исходным

материалом для такой биографии служит уже не дитя природы, а продукт цивилизации в соответствующем окружении. Отсутствует момент внутренней ломки, нет внутреннего сопротивления окружению, ребёнок доверчиво тянется к новому, его духовная сущность обладает, кажется, всеми необходимыми органами для восприятия цивилизации. Таков просветительский тип биографии детства [9].

Общеизвестно, что автобиография Гёте содержит богатый фоновый культурологический материал и является важным документальным свидетельством о своей эпохе. Однако ведь и барочная биография не меньше может рассказать о своей эпохе. Дело здесь в том, что у Гёте культурологический фон выступает как своеобразный онтогенетический *канон*. В качестве канона отобраны факты, позволяющие автобиографу «задним числом обнаружить всё то, что из ранних проявлений предвещало будущее ребёнка» (61). Здесь акцентируется не исходная, а конечная точка онтогенезы: образованный человек XVIII века как «воспитательная модель». Это — история приведения к равновесию личности, написанная в те годы, когда это внутреннее равновесие уже было достигнуто. Поэтому нам трудно согласиться с Ф. Мейнеке, что Гёте в своём детстве, якобы, «описывает как наивный (?) историк наиболее охотно и подробно то, что бросалось ему в глаза, удивляло его, не позволяя правильно (?) понять ни дух эпохи, ни его собственное воздействие на современников» [10].

Итак, первичный отбор окружающих воздействий зависел от родителей, полагавших, что их отпрыск предназначен для жизни высококультурной. Гёте как автобиограф произвёл ещё более тщательным отбор своих детских впечатлений с точки зрения просветительского воспитательного «канона». Это и есть то окружение, с которым не состязается растущий ребёнок, а системно усваивает, абсорбирует его, что, с точки зрения автора, и является задачей взросления, формирования, образования [11]. Симптоматично, что роман формирования (*Bildungsroman*, «роман воспитания»), возник именно в немецкой литературе. Задача «воспитания» заключается, таким образом, в «подъёме ко всеобщему» (Гегель) [12]. В этом отличие от биографии детства позднего модерна (М. Твен, «Приключения Гекльберри Финна») и постмодерна.

Какова же эта «целостность», в которую историк стремился вписать своё детство? Это мир государства, природы, культуры, религии. Конкретно это были Библия и древние и новые языки, живопись, в том числе уже с раннего детства — итальянская,

включая недвусмысленное упоминание о труде отца под названием «Viaggio in Italia», чтение античных классиков и современных писателей, увлечение кукольным и актёрским театром, созерцание воистину эпохальных исторических событий, как Семилетняя война, коронация императора Священной римской империи во Франкфурте, рефлексии (настоящие, или скорее мнимые) по поводу Лиссабонского землетрясения 1755 г., даже занятия алхимией и пантеистическое благочестие перед самодельным алтарём, долженствующее предвещать его увлечение Спинозизмом в зрелом возрасте, и т. д., и т. п. Нельзя сомневаться, что всё это объективно наличествовало в его реальном детстве. Но вряд ли в таком концентрированном, предельно собранном воедино виде оно могло воздействовать на неокрепшую душу ребёнка, не будучи разбавленным другими, пёстрыми, менее «каноническими» событиями.

Обычное детство состоит из ничего не значащих случайностей. Психология детского восприятия в том и заключается, что ребёнок не может выделить из веера случайных событий жизненно определяющие. Для него всё случайно, но и всё имеет громадную важность. Создание «канона» — дело взрослого автобиографа. Гёте стремился систематизировать своё детство, ввести его в рамки общезначимого.

Автобиография Гёте — это история духовной закалки личности, написанная, когда закалка уже была приобретена. К автобиографии детства Гёте подходит одна максима И. Канта, согласно которой Просвещение — это расставание с несовершеннотлетием, которое есть неспособность самостоятельно пользоваться своим рассудком. Для просвещения «требуется только свобода, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом» [13]. Поэтому Гёте изобразил своё детство как «просвещение», а его главные события связал с сознательной выработкой основных жизненных принципов. Например, пишет, что «со всей серьёзностью, возможной для мальчика, старался воспитать в себе стоицизм», хотя на самом деле поэт сформировал в себе стоицизм много лет спустя благодаря занятиям Спинозой и на основе итальянских впечатлений. Следующие его слова: «Не надо размягчаться <...> а напротив закалять себя для того, чтобы либо сносить неизбежное зло, либо же вступать с ними в борьбу» (56) очень созвучны с одной кантовской педагогической максимой, и вряд ли отражают реальное настроение детских лет. Вот эти слова Канта: «Детское сердце следует делать не столько мягким, сколько, наоборот, бодрым <...> (Ведь) многие сделались

жестокосердными потому, что раньше были сострадательны и часто видели себя обманутыми» [14].

В детстве поэт уяснил, что «всё, встречающееся ему на жизненном пути, случается с ним, как со всяким человеком, а не как с удачником или неудачником. Пусть это знание бессильно предотвратить зло, но оно служит нам уже тем, что научает свыкаться с обстоятельствами, многое выносить и многое же преодолевать» (58).

Вообще на протяжении всего повествования Гёте не покидает чувство своей исключительности, даже избранничества. В этом отразились не только определённые черты личности, но и пережиточные черты штюрмерского биографизма. С одной стороны, после путешествия в Италию Гёте преодолел штюрмерскую установку на биографию как на эманацию гениальности, зависящую исключительно от природы, от исходящих от неё побудительно-творческих импульсов. Действительно, Гёте понял, что индивид, как пишет Ф. Майнеке, «является не только откровением <...> вырвавшимся внезапно из глубин природы, но развивается в жизненном сообществе и взаимодействии с окружающим миром» [15]. Однако и в новую эпоху влияние штюрмерства прослеживается отчётливо. Личность рассматривается у Гёте с точки зрения её оригинальности и неповторимости, с точки зрения того, как отражается в ней щедрость и даже хаотичность природы, отливающиеся, однако, в форму законченного целого.

Не пережитый до конца «штюрмерский комплекс» ощущается, например, в отношении Гёте-мемуариста к самому себе и к своим родственникам. Мы бы охарактеризовали такое отношение как эгоцентризм. Родственники выступают в виде некоей общей недифференцированной массы. О братьях и сёстрах автор практически ничего не рассказывает, не называет их даже по именам. Его самого от них отделяло, по его собственному выражению, «преждевременное развитие, в смысле памяти и сообразительности». Для отца поэт находит всегда весьма сдержанные краски, признавая, что его собственные задатки уже в детстве превосходили дарования отца, что безоговорочно было признано им самим. Вырвавшееся из глубин подсознательного это отношение запечатлено в образе детского жилета «из золотой парчи», но перешитого из «свадебного жилета отца». Скрытая в этом амбивалентном образе неудовлетворенность раскрывается в другом месте, где Гёте отчётливо говорит, что хотя ему и предстояло идти в жизни проторенной дорогой отца, но только удачливей и дальше (*aber bequemer und weiter*). Итак, Гёте не поки-

дало чувство избранничества, а влияние среды на его формирование осуществлялось как бы по заранее намеченному свыше плану.

Важный материал для анализа его детской самооценки даёт во Второй книге «сказка для мальчиков» «Новый Парис», сочинённая им в детские годы. По ходу действия маленький герой находит в заброшенной каменной стене за чертой города воротца необычайно красоты, а когда его впускают внутрь, — сад с чудесами, где ему довелось пройти настоящую инициацию и продемонстрировать физическую ловкость, смекалку, смелость, за что он был вознаграждён обществом прекрасных юных дев, а старый мудрый привратник признал его превосходство над собой! После того, как мальчик рассказал о своём приключении друзьям, они оправились на поиски загадочной дверцы. Но увы, чудесная дверь в сад поэзии, любви и общественного признания, открывшись только одному Гёте, для других навсегда исчезла! Однако, по мнению критиков, сказка была написана взрослым Гёте специально для автобиографии. Она отражает общее намерение автора, так сказать, *провиденциально* определить для своего маленького маленького героя путь к взрослости.

Наконец, достойна внимания ещё одна особенность мемуаров – чисто поэтическая. Будучи великим драматургом, Гёте на этот раз выступает как великий рассказчик, не показывающий, а изображающий. Силу произведения составляет совсем не местный колорит — житейские сценки, сочный язык исторической эпохи, характеры, раскрывающиеся в непосредственном общении; она — в описаниях, пропущенных через рефлексию автора. События нам представлены как *пантомима*, толкуемая самим автором. Символичным для мемуариста является эпизод, где рассказывается о театральном представлении, придуманным мальчиком Гёте, когда после всех тщательных приготовлений оказалось, что слов пьесы не написано и никто из исполнителей не знает, что говорить! Всё детство в мемуарах Гёте, оказывается, не имеет собственного дискурса. Это дискурс взрослости. Поистине, нельзя дважды войти в одни и те же самые воды...

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Див.: Шалагінов Б. Б. «Фауст» Й. В. Гёте: Містерія. Міф. Утопія: До проблеми духовної сутності людини в німецькій літературі на рубежі 18-19 ст. – Київ: Вежа, 2002 (280 с.).
2. См.: Мейнеке Ф. Возникновение историзма. – Москва: РОССПЭН, 2004.– С. 354. Герцогу был известен также отклик Гёте (1775) на “Физиогномические мысли” И. К.

Лафатера, где рассматривались такие лица, как Сципион, Тит, Тиберий, Брут, Цезарь.

3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма..., ст. 354.

4. См. Мейнеке Ф. Возникновение историзма..., с. 402. Исследователь пишет, что и в «Жизнеописании» Челлини поэт «ставит вопрос о первичных формах и метаморфозах».- Там же, с. 403.

5. Гёте И. В. Собр. соч.: В 13 т. - Т. 11.- Москва: Худож. лит., 1935. - С. 228. («Юбилейное издание»). Докладніше про це питання див.: Шалагінов Б. Б. Естетика Й. В. Гёте: Дослідження - Київ: Вежа, 2002. - С. 72-76.

6. Goethe J. W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. - Leipzig: Im Insel Verlag/Hrsg von Kurt Jahn. - S. 39-40. Гётевский текст тут и далее цитируется в переводе Наталии Ман по изданию: Гете И. В. Собр. соч.: В 10 т. / Общ. ред. Н. Вильмонта и др. - Т. 3 (Из моей жизни. Поэзия и правда). - Москва: Худ. лит., 1976. В круглых скобках даны страницы по этому переводу.

7. Лосев А. Ф. Диалектика и здравый смысл. // Дерзание духа.- Москва: Политиздат, 1988.- С. 60.

8. Мейнеке Ф. Возникновение историзма..., с. 362.

9. У Г. Филдинга в «Истории Тома Джонса, найдёныша» побеждает природа, которая, однако, признаётся автором-сентименталистом, вслед за Шефтсбери, важнейшей составляющей цивилизации.

10. Мейнеке Ф. Возникновение историзма..., с. 402.

11. Мы опираемся здесь на глубокомысленные размышления Г. Г. Гадамера о сущности понятий Form - Formierung - Bildung. - Гадамер Х.-Г. Истина и метод.- Москва: Прогресс, 1988.- С. 50-54.

12. См. Гадамер Х.-Г. Истина и метод..., с. 53.

13. Кант И. Избранное: В 3 т. - Т. 2 / Под ред. проф. Калининкова Л. А. - Калининград, 1998. - С. 56.

14. Кант И. Избранное: В 3 т. - Т. 1 /Сост., вст. статья, примеч. И. С. Кузнецовой. - Калининград, 1995. - С. 227.

15. Мейнеке Ф. Возникновение историзма..., с. 348.

(Перевод с украинского автора)